

Глава 7

Всё у нас живо. Глава 7

Жанр произведения: Историческое

Произведение написал автор BookBox Андрей Драгунов

Ссылка на публикацию

Глава 7. Новые поколения рода Андреевых Рассказ о новых поколениях рода Андреевых Анатолий Сурский завёл на второй день нашей поездки, когда за окном и мелькали посёлки, леса и поля, освещаемые белёсым утренним светом.

На новой странице фотоальбома я увидел две коричневатые фотографии с узорчатыми краями, какие делались в фотосалонах в послевоенные годы. На первой из них возле густой ели стоял молодой солдат в белом маскировочном халате, с винтовкою за спиной и лыжами в руках. А на второй были тот же мужчина с красивой женщиной – оба в парадной военной форме, со слегка склонёнными друг к другу головами. Мужчина уже седой, с погонами старшего лейтенанта, на груди много орденов и медалей. А женщина имела лычки сержанта медицинской службы и три медали.

– Вот мой дедушка Юрий Зиновьевич Стесин и моя бабушка Зинаида Васильевна, – сказал мой попутчик. – Дед мой был рождён в дореволюционном Санкт-Петербурге и был по национальности наполовину русский, наполовину еврей. И что интересно, он закончил тот же самый Политехнический институт, что и прадедушка, только в советское время.

Мой дедушка в звании сержанта воевал в Финскую войну с большой боевою нагрузкою. Он служил в разведроте и совершил много подвигов. Тогда он был награждён редким по тем временам орденом Красной звезды и медалями. О том, как воевал он в Финскую – это сам по себе большой рассказ.

В первые же дни Великой Отечественной войны мой дедушка пришёл в военкомат и сказал, что желает пойти на фронт добровольцем. Но из-за того, что он окончил Политех, его направили не на фронт, а на краткосрочные железнодорожные офицерские курсы. По их окончании ему было присвоено воинское звание техник-лейтенант и он был назначен на должность начальника эвакуационного эшелона, вывозящего оборудование ленинградских предприятий в тыл.

В июле 1942 года Юрий Зиновьевич был назначен на должность начальника военного эшелона, доставляющего вооружение и боеприпасы в Сталинград. Возле линии фронта его состав то и дело из пулемётов расстреливали мессершмитты, и на него, пикируя, сбрасывали бомбы юнкерсы. И вот в начале августа от тех бомб несколько вагонов в его эшелоне загорелось, и была большая опасность детонации снарядов. Самому же дедушке тогда перебило осколком ногу.

В двух теплушках, прицепных к тому составу, ехали на фронт разного рода военные, набившиеся в них битком. Они-то и потушили горящие вагоны.

Был среди них и военврач. Осмотрев рану дедушки, он сказал:

– Вам необходима срочная госпитализация!

– Мне приказано доставить в Сталинград эшелон, и я его доставлю! – твёрдо заявил дедушка и добавил: – Просто перевяжите ногу…

Врач так и сделал.

И вот в свой срок защитники Сталинграда получили целый эшелон с остро необходимым для них снарядами, патронами и всяким другим вооружением. Передав накладные офицерам тыловой службы, Юрий Стесин военврачу сказал:

– А теперь отвезите меня в госпиталь и можете оперировать.

Бойцы перенесли деда в другой эшелон, полный раненых, который уже через сутки прибыл в город Пензу. Там в госпитале врачи рану у Юрия Стесина осмотрели. Вся нога у него ниже колена распухла и уже потемнела, что говорило о начавшейся гангрене. И ему ногу ту ампутировали. В мастерской госпиталя дедушке был сделан довольно удачный протез, на котором он ходил и всю свою оставшуюся жизнь, сильно хромая, но всё же без костылей.

И вот в том самом госпитале хирургическою медсестрой служила моя бабушка –Зинаида Васильевна Андреева. На неё сильно повлиял рассказ её мамы Полины Леонтьевны о том, как в первую мировую войну старшие дочери царя Николая II – великие княжны Татьяна и Ольга Романовы – ездили с госпитальным эшелоном на фронт и сутками напролёт ассистировали хирургам в операционных. Зинаида Андреева также ездила с госпитальным эшелоном в Сталинград и впервые увидела дедушку в своём вагоне именно там. А Юрию Зиновьевичу она сразу показалась какой-то необыкновенной, и потому уже в госпитале он при всякой возможности заводил с ней какой-нибудь разговор. Так они и подружились.

Когда лечение Юрия Стесина в госпитале завершилось, на военно-врачебной комиссии он сказал:

– Товарищи члены Военной комиссии, прошу направить меня в железнодорожные войска, на ранее занимаемую мною должность, – начальником воинского эшелона. Исполнять эти обязанности я смогу и с деревянною ногою!

Мой дедушка не сомневался даже, что ему снова доверят эшелон. Но члены комиссии всё медлили с принятием решения и передавали из рук в руки его документы. А потом один вдруг спросили его:

– Доводилось ли вам в Финскую войну корректировать огонь артиллерии?

И дедушка ответил:

– Конечно же, приходилось.

– А по какой специальности вы обучались в Ленинградском политехническом институте? – задал вопрос другой.

– Электрические сети, – ответил он.

И в предписании, вручённом моему деду, было написано: «Направить техника-лейтенанта Юрия Зиновьевича Стесина на Пензенские высшие артиллерийские курсы, преподавать электрику»!

Именно тогда в Пензе открылись ускоренные офицерские курсы артиллеристов, которые после войны были преобразованы в Пензенское высшее командное артиллерийское училище. И на курсы нужны были преподаватели, имеющие боевой опыт.

В 1943 году мой дед Юрий Зиновьевич и моя бабушка Зинаида Васильевна поженились. Много лет они ютились в переполненной коммуналке с родителями жены и двумя семьями других их детей.

Моя бабушка – Зинаида была очень похожа на свою маму – «питерскую мещанку» Полину Леонтьевну. Перед нею Юрий Зиновьевич благоговел. С отцом Зинаиды, Василием Корнеевичем, дедушка сразу подружился. А после ухода его из жизни он говаривал:

– Вот вам образцовый партиец-ленинец, но без партбилета. Свой в доску! И почему он в партию не вступил? Должно быть из-за болезней. Болел он много, оттого и умер…

Конечно же, дедушке и бабушке пришлось много пожить и в съёмных комнатах. Но позже старшему лейтенанту Юрию Стесину, как ветерану и инвалиду Великой Отечественной войны, город выделил изолированную двухкомнатную квартиру.

Всего в семье Стесиных было двое детей – Наталья и Александр. Моя бабушка – Зинаида Васильевна имела в сердце своём живую веру. Выйдя замуж за коммуниста и работая в больнице, она по возможности посещала Митрофановский Храм, а потом и Успенский кафедральный Собор после его открытия в 1945 году. А Юрий Зиновьевич, насмотревшись на семью Андреевых, всё это как бы не замечал. Всех детей своих Зинаида Васильевна окрестила ещё в младенчестве. А когда они подросли, то сумела и им передать свою веру.

Когда Юрий Зиновьевич вышел на пенсию, то он вспомнил, что детстве был крещён. Под конец своей жизни он также посещал церковь.

9 мая 1965 года отцы-командиры Пензенского высшего командного артиллерийского училища решило пригласить на праздник 25-летия Победы всех «своих» ветеранов. Приглашения на него были изготовлены печатным способом и вручены каждому лично с нарочными-курсантами. И в приглашениях было написано, чтобы «дорогие ветераны» приходили на праздник не одни, а со своими семьями.

Дед мой на тот праздник пришёл в парадном мундире старшего лейтенанта, с боевыми орденами и медалями. Бабушка надела форму сержанта медицинской службы с тремя своими медалями. И ещё они взяли с собой свою дочь – Наталью Юрьевну Стесину. Она как раз тогда заканчивала десятый класс, и у неё уже имелось очень нарядное белое платье.

Вначале, как водится на таких мероприятиях, в большом актовом зале училища в честь Праздника Победы состоялась торжественная часть с вручением пионерами всем ветеранам цветов и подарков. Потом на той же большой сцене был показан концерт с участием самых ярких хореографических коллективов города. А по его окончании на сцену вышел весьма энергичный старший лейтенант. Он обвёл рукою весь зал и торжественно объявил в микрофон:

– А сейчас для наших дорогих ветеранов и их близких я имею честь объявить победный «Венский вальс» и ещё боевой приказ: «Никому не оставаться в стороне от нашей Победы! Всем танцевать здесь и сейчас – прямо на этой сцене!»

Когда струнный оркестр заиграл очень трогательный плавный вальс, то прямо на сцене очень красиво закружились три пары, состоящие из молодых офицеров и девушек в белом. И тотчас на сцену по ступеням с её двух сторон стали подниматься и убелённые сединою ветераны, и их молодёжь. Ну, а те, кому не хватило на сцене места, – стали танцевать внизу и даже в проходах.

А когда тот офицер объявлял второй вальс – «На сопках Манчжурии» – прямо к Стесиным подошёл высокий молодой человек в курсантской форме с лычками сержанта, и представился:

– Курсант четвёртого курса Владислав Сурский! Товарищ старший лейтенант, спасибо вам за победу! Прошу разрешить, Юрий Зиновьевич, пригласить вашу дочь на танец!

– Ух, какой ты орёл! – разгладив усы, ответил дедушка. – Что ты такое сказал? Мы тут не в дворянском собрании! Хотя, ладно уж, разрешаю…

Потом Владислав Сурский повернулся к зардевшейся Наталье Стесиной и очень вежливо ей сказал:

– Позвольте пригласить вас на вальс!

И она подала ему руку, как когда-то и её бабушка – статусная дворянка Полина Ставинская – дворянину Василию Андрееву. И с той минуты все последующие вальсы звучали только для них двоих.

А когда танцевальная программа закончилась, то на сцену вновь вышел старший лейтенант и сказал:

– Дорогие товарищи ветераны и гости училища, наш Праздник 25-летия Победы подошёл к концу. Всех желающих пополнить силы и поднять боевые сто грамм, а кто силён, и все двести, мы приглашаем в нашу курсантскую столовую. Там вас уже заждался фуршетный стол!

И когда все ветераны и их близкие перешли в столовую, к моей прабабушке подошёл курсант Владислав Николаевич и под стоящий там гомон сказал:

– Наталья Юрьевна, я по воскресениям могу выходить в город и очень хочу с вами встретиться. Мы можем где-нибудь погулять, поесть мороженое, а потом сходить в театр или в кино. Как вы на это смотрите?

– Смотрю положительно, – с улыбкою ответила ему она.

– А куда вы хотели бы пойти?

– А давайте мы пойдём туда, где будет хорошо вам…

– Моя увольнительная начинается в 9 часов утра. Так куда же мне прийти?

– А давайте мы встретимся с вами на Татарском мосту! Посмотрим с него на чудные виды реки Суры и на всю Набережную реки Пензы.

– Хорошо. Я буду ждать вас на Татарском мосту…

Наталья Стесина полюбила курсанта Владислава Сурского, жила только лишь мыслями о нём и очень-очень боялась его потерять.

Своих бабушку и дедушку – Полину и Василия Андреевых – Наталья почти и не помнила, но при ней старшие родственники не раз с нежностью говорили:

– Это ангелы нашей семьи!

А ещё все говорили, что бабушка-гимназистка одевалась всегда эффектно, совершенно удивительно танцевала вальс, и со всеми легко общалась – и со всею своею роднёй, и со школьными учителями, и с соседками на кухне в коммуналке. И дедушка также был всегда вежлив и всем помогал.

И вот в день Пасхи Наталья стала рассказывать Владиславу о своих замечательных бабушке и дедушке, которые оба были сиротами и почему-то ещё до революции с пятью детьми переселились из Санкт-Петербурга в Пензу. И о том, что её дедушка, Василий Корнеевич, был сущим Кулибиным.

Имея одно только начальное образование, он работал на большом военном предприятии и всё время что-то изобретал. А в начале войны по его чертежам там всю производственную линию перестроили. За всё это он и премии, и грамоты получал…

– Владислав, а давай зайдём к ним на кладбище, – предложила она ему. – Ведь вот оно, тут рядом…

– Давай зайдём, – согласился тот.

Наталья и Владислав вошли в ворота городского кладбища, прошли мимо старинного, но действующего храма и затем – по длинной тенистой аллее среди бесконечного поля крестов. У могил её дедушки и бабушки они постояли молча. И там, что-то поправляя, Наталья стала молиться про себя, а потом попросила у близких своих усопших как у живых: «Дорогие мои Василий Корнеевич и Полина Леонтьевна, помогите мне выйти замуж за этого вот военного, если только Богу это будет угодно!»…

Когда Владислав Николаевич по окончании военного училища получил звание офицера, они с Натальей Юрьевной поженились. Это и есть мои папа и мама. Вот тут в альбоме есть их свадебное фото. А на втором фото перед ними стоим и мы с сестрою. И мама моя нисколько не сомневается, что это именно бабушка и дедушка ей выйти замуж помогли.

Как и все офицерские семьи, мы много лет колесили по всей нашей стране. В 1980 году мой отец Владислав Сурский получил новое назначение на должность военного представителя на Казанский оптико-механический завод, что был эвакуирован из Ленинграда в Татарстан во время войны. И на восточной окраине Казани, в жилом массиве Дербышки, мой папа получил хорошую трёхкомнатную квартиру с видом на лес.

Мой отец был убеждённым атеистом. Ведь его отец был коммунистом-сталинецем, подполковником, воевавшем на Халхин-Голе и на Японском фронте.

Его мать всю жизнь преподавала научный коммунизм в вузах Пензы. Сам папа стал коммунистом ещё в военном училище. А вот мама моя вела род свой от Василия и Полины Андреевых и выросла в атмосфере веры. Выйдя замуж неверующего, она всё равно тайно посещала Храмы. И нас с сестрою она окрестила. Многие годы вера наша была слабой, но вот теперь она вошла в нашу жизнь.

Окончив в Казани школу, я решил пойти по стопам отца и деда и поступил в Пензенское артиллерийское училище. По его окончании я женился на Анне Михайловне, и мы тоже поколесили по всей стране. Когда же я вышел в отставку по выслуге лет, то мы вернулись к моим родителям, в город Казань. Сразу же по приезду я и устроился на работу, на наше предприятие.

Как оказалось, у нас в Дербышках совсем недавно был построен большой православный Храм, освящённый в честь Успения Пресвятой Богородицы. Вот я и взял за правило – посещать его по воскресным дням.

Все армейские годы я страшно ругался. Уже в Казани я услышал в записи строки известного игумена и старца афонского монастыря Дохиар – Григория (Чизлова):

– Бог своих спасёт, а негодных уберёт. Сквернословие четырёх матерей оскорбляет: Богородицу, Землю, Церковь и родившую тебя мать. Четыре миллиона российских воинов в самые последние времена погибнут за мат и сквернословие…

Вот тогда я схватился за голову и в том тяжком грехе покаялся.

И на меня ещё немало повлияли вот такие слова афонских святых:

– Любой молящийся человек выше любого писателя и любого учёного… Один святой стоит больше, чем все земные ученые, вместе взятые, со всею своею наукой… Как и у Василия Корнеевича, у моего прадеда, у меня с переходом на новую жизнь произошла переоценка ценностей. Во мне проснулась жажда искать спасения в Боге. Поселившись в Казани, мы стали ездить с женою по всем святым местам.

И прежде всего мы поехали на греческий остров Корфу, к раке святителя и чудотворца Спиридона Тимифунгского. Этот величайший святой, вместе со святителем Николаем Угодником, был участником Первого Вселенского Собора. До сих пор на мощах святого Спиридона растут волосы и ногти, и они постоянно имеют температуру здорового человека – 36,6 градусов. На ногах у святителя надеты вязаные бахилы, которые необъяснимым образом снашиваются. Потому их и меняют ему раз в год. Святой Спиридон реально помогает всему тому

бесконечному потоку людей, что постоянно приходят к его раке. Чтобы приложиться к его мощам, мы отстояли огромную очередь, и та проблема, о которой мы попросили, вскоре действительно была решена. А на выходе из того Храма какой-то монах дал нам красную шерстяную частичку от износившейся обувки святого.

Да и в России мы, конечно же, посетили все основные святыни. Два раза ездили с экскурсией в четвёртый удел Пресвятой Богородицы – Дивеево, через Арзамас, поражающий обилием огромных Храмов. Сам Серафимо-Дивеевский женский монастырь, с его «Серафимовской канавкой», похож по виду своему на райский сад. Всё в нём дышит присутствием святого Серафима, и все монахини и миряне говорят с ним там, как с живым. И кто говорит так – получают просимое. Там мы купались в Серафимовских родниках. Говорят, что в самые последние времена эта обитель особенно просияет.

В Сергиев посад и в Оптинский монастырь мы ездили с нашим другом на автомашине. Космонавты из космоса несколько раз видели необычное свечение на земле, на одном и том же месте. И оказалось, что это светится Оптина Пустынь!

Потом мы плыли по святому Валааму на корабле. Там на сказочно-душевных островах, посреди красноватых гранитных скал и хвойных лесов, стоят большие белые Храмы и маленькие бревенчатые часовни. В те места всё время плывёт по Ладоге множество людей на судах и даже на байдарках. А на обратном пути мы заехали в Александро-Свирский монастырь. Эта святыня знаменита древними Храмами со старинными фресками, чудотворными иконами и нетленными мощами величайшего святого Александра Свирского. Только Аврааму и ему являлась Пресвятая Троица. Сейчас они, как у святого Спиридона Тримифунгского, имеют постоянную температуру – 36, 6 градусов.

А во второй удел Пресвятой Богородицы, на святую гору Афонскую, я ездил уже один и дважды. Сама Богородица, запретила женщинам посещать те места… Ещё в царские времена одна богатая русская дворянка захотела повидать сына, жившего в русском Пантелеймоновском монастыре. Он приплыл к ней на лодке, и они свиделись. Но на другой день половина нашего монастыря сгорела.

Что тут говорить. Нет на Земле других мест, где всё вокруг так намолено. Во всех двадцати современных афонских монастырях имеются чудотворные иконы, мощи апостолов и многих святых. На Афоне – монахи самые настоящие. Многие из них за свои подвиги получают «небесные утешения». Даже сейчас многие афониты достигают высоких степеней.

Ещё в Раю было сказано, и в Ветхом Завете – записано, что у Богородицы особая миссия – покровительство и спасение. Она и предостерегает нас от роковых событий, и спасает от бед. Так, в Ватопедской обители имеется всемирно известная чудотворная икона XVII века – «Богородица Всецарица (Пантанасса)». Каждый день перед нею происходит множество исцелений и других чудес. Когда я увидел в монастырской лавке список иконы «Всецарица» и купил его. Монастырские же монахи уже закрывали центральный вход в Храм. Но мне, очень хотелось освятить свою икону в Храме, и потому я зашёл в него через боковой вход. Внутри Храма вообще никого не было. И там я приложил свой список иконы с молитвою к его чудотворному оригиналу.

Всю свою жизнь отец мой был как кремень. Он никогда ничем не болел и не признавал никакой медицины. Но как только я уехал на Афон, то ему вдруг стало плохо, и он попал в кардиологическое отделение больницы. Там ему сделали операцию. Однако сердечные его показатели не улучшились. И тогда его из больницы выписали – домой умирать. Папа к моему приезду настолько стал плох, что не мог сам вставать и, конечно же, понимал, что он умирает.

Вот еду на такси из Казанского аэропорта, с иконою «Богородицы Всецарицы» в руках. Поднимаюсь по лестнице, захожу с нею в зал, где лежит мой отец. И довольно так бодро, но без всякой внутренней надежды, говорю:

– Папа, вот список знаменитой чудотворной иконы Богородицы. Посмотри, какая она красивая! Ничего тебе не помогает, вот хотя бы её поцелуй…

И вот, не верю своим глазам… Папа мой кое-как поднимается… Понимаешь, я ведь легко как-то, без надежды ему это сказал, как бы подавая соломинку. Вот это надо тут понимать. Ведь он всю свою жизнь ругал верующих, а тут ему его сын – такой же, как и он, старший офицер – предлагает икону поцеловать?! И вот он встаёт, еле живой. Мы все верующие – мама, я и сестра стоим и смотрим, затаив дыхание, на эту картину.

– Ну, поцелуй, что тебе стоит?… – ещё раз говорю я ему.

И он берёт икону руками, сам подносит её к лицу и целует. Мы так все рты и открыли. Мы и допустить не могли такого… А он понял, что умирает, и от безысходности принял эту соломинку. Но почему всё это произошло – так и осталось тайной…

Поцеловав икону Богородицы, мой отец сразу же пошёл на поправку. А врачи улучшению его дел ещё больше нашего удивились. Потом они ему даже многие лекарства отменили.

Конечно же, в душе отца произошли тектонические сдвиги. Он стал мягче и всех нас за веру больше не осуждал. Мы стали открыто говорить при нём на духовные темы. А он нам задавал какое-то свои вопросы. Потом папа сам стал смотреть передачу – «Церковь и мы», на канале Россия-24, которую вёл митрополит Алфёров. Отец мой, Владислав Николаевич Сурский, прожил ещё года три и умер от COVID-19.

На его похороны приехала вся наша пензенская родня. Была средь них и старшая сестра отца – Алла. И за поминальным столом она рассказала нам следующее:

– Наша добрая тётя Мария, когда мне было пять лет, окрестила нас с братом в Церкви. Я почему это помню? А при крещении нам – детям дали в руки зажженные свечечки. И мне огонёк свечи так понравился, что я спрятала её за пазуху. Вот пальто на мне и задымилось…

И вот сейчас, так как отец мой был крещён и примирился с Богом, я подаю за него поминальные записки в нашем Храме.